

Игнатенко Павел Викторович

ЮНОСТЬ В СОЛДАТСКОЙ ШИНЕЛИ

Я, Игнатенко Павел Викторович, родился 14 октября 1926 года западнее г. Ростов-на-Дону в Больше-Крепинском районе. Семья у нас была большая – 5 детей. Старший брат 1919 г. рождения служил офицером на Балтийском флоте. Второй брат 1923 г. рождения в конце 1941 г. также был призван в армию и попал на фронт.

В 1941 г. я окончил 7 классов и 22 июня вместе с такими же ребятами (14-15 лет) работал в поле. О начале войны мы узнали только во второй половине дня, когда нам сообщил мальчишка, прибежавший из села.

В этот же день на площади состоялся митинг по случаю проводов в армию большинства молодых мужчин. На нем выступил директор школы – старший лейтенант запаса Алексей Тимофеевич Железнев, тоже призванный на службу. Он бодро сказал, что мы уходим ненадолго и враг вскоре будет разбит. Но, к большому сожалению, его слова не сбылись, а сам он героически погиб под Одессой.

Это было тяжелое время. Враг рвался на восток. Фронт стремительно приближался к границам Ростовской области. По улицам села тянулись колонны эвакуированных и беженцев из Донбасса. Уставшие, запыленные старики, женщины и дети рассказывали нам о брошенных домах, шахтах и постигшем их горе. Мы как могли помогали им.

Еще тяжелее было смотреть на наши отходящие с боями части, на хмурых, уставших, в почерневших от пота и пыли гимнастерках, бойцов и командиров.

Вскоре и нашей семье под вой фашистских «юнкеров» и «мессершмитов» пришлось эвакуироваться в восточные районы Ростовской области. Но в результате летнего 1942 г. немецкого наступления нам в течение шести месяцев пришлось испытать ад фашистской оккупации. И только в феврале 1943 г., когда повторно был освобожден Ростов, мы вернулись в свой дом.

Здесь нам стало известно, что старший брат погиб в г. Лиепая (Латвия) в первые дни войны. Вскоре вернулся домой после четырех тяжелых ранений второй брат. Настало время мне идти им на смену.

С февраля по май 1943 г. я и мои сверстники работали на строительстве оборонительных сооружений в тыловых районах «Миус-фронта». К 1 мая нас отпустили по домам, а 5 мая я был призван в армию. Мне тогда было шестнадцать с половиной лет (призывались все, родившиеся в 1926 году).

Мы были направлены в запасные полки, где «делали из нас солдат». Шла напряженная боевая подготовка. Часто в наши ряды вливались залечившие в госпиталях раны фронтовики. Они будоражили нас рассказами о боевых действиях, о крепком фронтовом братстве. И многие молодые солдаты, в том числе и я, неоднократно подавали рапорта с просьбой об отправке на фронт. Но нам отвечали: «Рано еще, успеете повоевать».

В конце апреля 1944 года многих из нас – молодых солдат включили в состав так называемых «маршевых рот», и 1 июня наш эшелон отправился в действующую армию.

12 июня в составе групп нового пополнения мы прибыли в Кировоградскую область (Украина), где 5-й гвардейский механизированный Зимовниковский корпус после боев ждал доукомплектования личным составом и техникой. Он формировался летом 1942 г. в Горьковской области и участвовал в боях по окружению армии Паулюса под Сталинградом, в танковом сражении на Прохоровском поле под Белгородом, освобождал Харьков, форсировал Днепр.

Я с несколькими товарищами был направлен в отдельную роту автоматчиков 10-й гвардейской механизированной бригады (командир бригады полковник Буслаев, командир роты старший лейтенант Хоботов). Нас здесь приняли очень тепло, по-братски. Несмотря на то что в роте были закаленные вояки в возрасте 20-40 лет (самый старший был повар дядя Коля – 52 года), нам, самым младшим, оказывали всяческую помощь и

поддержку, учили нас боевому мастерству, рассказывали о героических подвигах сослуживцев.

Особенно нас тронул рассказ о подвиге старшины второй статьи Баландина (в то время в роте еще служило несколько моряков Тихоокеанского флота). В период боев под Сталинградом, когда рота ворвалась в один из поселков под г. Зимовники, внезапно из-за угла дома выскочила группа фашистских автоматчиков и открыла огонь по командиру роты, бежавшему с группой бойцов. Баландин рывком метнулся в сторону офицера и, заслонив его грудью, спас ему жизнь, не пощадив своей. В декабре 1944 г. мы погрузились в эшелоны и прибыли в Польшу на 4-й Украинский фронт. В то время я был младшим сержантом, заместителем командира отделения автоматчиков. В конце февраля – начале марта начались боевые действия нашего корпуса в направлении городов Моравска Острава, Опава и Ратибор.

Здесь шли тяжелые бои. Несмотря на холод, слякоть и снег с дождем, воины нашей бригады упорно продвигались вперед, порою совершая поистине героические поступки.

В один из дней по бригаде быстро распространилась весть о подвиге комсорга мотострелкового батальона сержанта Маховикова. Наступая в рядах стрелковой роты, он увидел, что во фланг роте двинулся внезапно появившийся «тигр». Предвидя беду, Маховиков, схватив противотанковую гранату, бросился ему наперерез и метнул её под гусеницу танка. Он погиб, но спас своих товарищей от надвигавшейся угрозы.

В одном из боев отличился расчет станкового пулемета братьев Ольшанских. Взвод, в составе которого был этот пулеметный расчет, в период наступления вырвался вперед и занял небольшую высотку. Немцы сразу же перешли в контратаку. Стрелки при поддержке станкача отбили первую атаку. Но командир взвода, видя большой перевес в силах со стороны противника и отрыв от остальных подразделений, приказал отойти с занимаемого рубежа. Солдаты выполнили приказ командира, но среди них не было пулеметчиков. В это время фашисты бросились на высотку, но их снова встретил «максим» – пулемет. Шесть раз они пытались взять высотку, но не смогли преодолеть огневой заслон. При подходе остальных подразделений взвод снова вернулся на оставленную позицию. Лейтенант подбежал к пулемету и крикнул: «Почему вы не выполнили приказ об отходе?» Старший из Ольшанских со слезами на глазах ответил: «Я мстил им за смерть брата». Только тут лейтенант увидел лежащего у коробок с пулеметными лентами погибшего солдата.

Успешно действовали и бригадные разведчики. Когда наступление бригады было задержано на одном из заранее подготовленных рубе-

жей обороны противника, перед командиром разведроты была поставлена задача: организовать поиск с целью проникновения в тыл противника, взрыва моста через небольшую речушку, связывающего передний край с тыловыми подразделениями, и взятие «языка». Для этого была подобрана группа разведчиков во главе с исполняющим обязанности командира взвода старшим сержантом Ашкадовым (на фронте не хватало младших офицеров). В целях поддержки и прикрытия действий группы ей было придано отделение из роты автоматчиков.

Под покровом ночи, где ползком, а где бегом, разведчики преодолели передний край обороны фашистов и вышли в тыл немецких позиций. Мост был недалеко, но выйти к нему напрямую было опасно. Ашкадов принял решение: отойти от моста вниз по течению, выйти на противоположный берег и напасть на охрану с тыла. Ломая тонкий мартовский ледок, разведчики по пояс в воде преодолели речку, вышли с противоположной стороны к мосту и внезапно напали на охранявших его фашистов. В короткой схватке они уничтожили их, прихватив одного «языка», и подорвали мост. В тылу у немцев поднялась паника и беспорядочная стрельба. Но было поздно – разведгруппа быстро возвращалась к переднему краю и перед рассветом вернулась в расположение бригады. «Язык» дал ценные показания.

В конце марта – начале апреля наш корпус был переброшен на северный участок 1-го Украинского фронта и вошел в состав 4-й гвардейской танковой армии.

Как известно, в апреле 1945 г. на всем протяжении фронта от Балтики до Карпат началось решительное наступление наших войск. Корпус вел активное наступление в составе армии, выполняя задачу по окружению Берлина с юга. Фашистские войска оказывали активное сопротивление, но наши танки и мотопехота, ломая их сопротивление, стремительно продвигались на запад.

Упорное сопротивление немцев пришлось преодолевать на реках Нейсе и Шпрее. Нашей бригаде, вырвавшейся впереди других частей, особенно трудно пришлось в районе населенных пунктов Нойдорф, Якобсфельд, Бладен, Туркау, где порой в боевой строй приходилось вставать всем писарям, поварам, кладовщикам и телефонистам.

В период этих боев большую опасность для танков, бронетранспортеров и бронемашин представляли фаустники. Вооруженный фаустпатроном – прообразом ручного противотанкового гранатомета – фашист из засады с расстояния 30-40 метров поражал цель и зачастую скрывался. От этого немало погибло наших боевых друзей.

21 апреля наша бригада овладела городом Ютербог и двинулась в направлении города Трейбритцена. Но при выходе из Ютербога фашисты нанесли внезапный удар по центру колонны, и бригада была разделена на две части. Завязался бой по уничтожению вражеской группировки, а шедшие впереди подразделения продолжали движение в направлении Трейбритцена.

На полпути к этому городу с правого фланга из перелеска по головной походной заставе был открыт сильный ружейно-пулеметный огонь и с близкого расстояния из замаскированных окопчиков ударили фаустники. Вспыхнул шедший впереди бронетранспортер разведроты, а за ним и танк, на броне которого и я сидел в составе десанта. Взрывной волной из бронетранспортера был выброшен 12-летний воспитанник Коля (фамилии не знаю). Несмотря на свое тяжелое состояние, он вытащил из горящей машины раненого сержанта. Остальные члены экипажа погибли. Я был ранен и контужен. Меня перебинтовали и отправили в медсанбат, стоявший в г. Ютербоге. К счастью, ранение оказалось не опасным. На следующий день, 22 апреля, нам, раненым, сказали, что завтра будут отправлять в тыловой госпиталь. Это для меня и многих других было «оглушительным ударом», так как попадание в тыловой госпиталь зачастую закрывает дорогу в свою часть, куда всегда стремится каждый солдат и офицер.

23 апреля нашей бригадой был взят г. Трейбритцен. Вечером этого же дня я с механиком – водителем нашего сгоревшего танка Геннадием Кубышкиным (он уцелел) покинули медсанбат и на санитарной машине, привозившей раненых из Трейбритцена, добрались до бригады. Здесь я встретился со своими друзьями – разведчиками, и меня, несмотря на забинтованную голову, зачислили в экипаж бронетранспортера старшины Немирова во взвод лейтенанта Вернова.

Ожесточенные бои, несмотря на приближающееся завершение войны, продолжались. Особенно тяжелыми они были 30 апреля и 1 мая, когда, несмотря ни на какие потери, фашисты пытались вырваться из окружения южнее Берлина. 2 мая был день великого торжества – пал Берлин. Вот она, Победа! Но 5 мая по всем радиостанциям раздавались тревожные голоса – чехи зывали о помощи. И корпус, 4-я танковая армия из – под Берлина двинулись на юг. Днем и ночью, сбивая вражеские заслоны, мы спешили на помощь дружественному чехословацкому народу. Особенно труден был путь через Карпаты. Но когда позади остался город Мост, недалеко от столицы Чехословакии города Праги. 8 мая мы вошли в Прагу. Как нас встречали чехи! Ещё гремят выстрелы, а со всех сторон нас окружают толпы пражан, летят цветы и бесперывное «Наздар!», «Наздар!»...

В подготовке настоящих воспоминаний оказали помощь сотрудники авиационного института

Вот и конец войне! Враг разбит, победа за нами! И вспоминается день, когда мы, молодые солдаты запасного полка, обращались к политруку младшему лейтенанту Зайцеву с просьбой походатайствовать об отправке нас на фронт. Но он сказал: «Не торопитесь. Вы еще успеете воткнуть штык в последнего фашиста». Его пророческие слова сбылись. Наша 10-я гвардейская механизированная бригада стала Пражской ордена Кутузова. В июне она своим ходом возвратилась на Родину. Стали увольняться из армии солдаты и сержанты старших возрастов, а потом и помоложе. И теперь мы, бывшие в 1943 году «салажатами», стали старослужащими. И пришлось нам служить по 7 – 8 лет, ожидая пока подрастет наша смена.

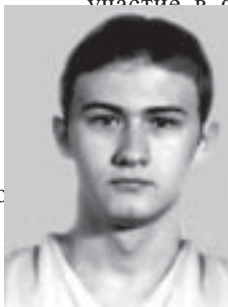
А у меня после этого было военное училище, военная академия и 30 – летняя служба в кадрах Вооруженных Сил СССР.

И последнее. 10 лет назад по воле судьбы я в Ярославле встретился со своими боевыми друзьями – бывшим командиром взвода Верновым Виктором Прохоровичем и механиком – водителем бронетранспортера Ключиным Сергеем Михайловичем, а в Перми – с бывшим командиром броневедомобиля Поповым Николаем Дмитриевичем. Мы и сейчас, спустя 57 лет, вместе!

Бывший гвардии старший сержант; последнее воинское звание – полковник.

Награды:

- орден Отечественной войны 2ст. (№2618821);
- медали:
 - «За отвагу» (№2275528);
 - «За отвагу» (№2934733);
 - «За боевые заслуги»(без номера);
 - «За взятие Берлина» (без номера);
 - «За освобождение Праги»;
 - и 15 других медалей (без номера);
 - шесть благодарностей (с ~~ручкой~~ зного Главнокомандующего за участие в форсировании реки, разгроме фашистских группировки в окрестностях городов Берлин, Виттенберг и освобождении Праги.

Декабрь 2002 года.

звал пом... *Александрович*, студент 3-го курса Московского